
ЛЕКСИКОН КУЛЬТУРОЛОГИИ

УДК 130.2, 168.522

DOI 10.31249/hoc/2020.01.14

Глебкин В.В. ©

КАТЕГОРИЯ «ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ ТЕКСТ» И ЕЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ТЕОРИИ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. В статье анализируется влияние мировоззренческой парадигмы квантовой теории на гуманитарное знание. Особое внимание уделяется категории *потенциальный текст* и возможностям ее использования в теории культуры. Автор акцентирует внимание на двух возможных подходах: взгляде на культуру в целом как потенциальном тексте, связанном с выделением ее смыслового ядра, и представлении о конкретном артефакте как потенциальном тексте.

Ключевые слова: потенциальный текст; мировоззренческая парадигма квантовой теории; постструктурализм; смысловое ядро.

Glebkin V.V.

«Potential text» category and its use in the theory of culture

Abstract. The article analyzes the influence of the worldview paradigm of quantum theory on humanitarian knowledge. Particular attention is paid to the category of potential text and the possibilities of its use in the theory of culture. The author focuses on two possible approaches: the view of culture as a potential text associated with the allocation of its semantic core, and the idea of a specific artifact as a potential text.

Keywords: potential text; the ideological paradigm of quantum theory; post-structuralism; the semantic kernel.

Гуманитарное и социальное знание часто опирается на модели, разработанные в математике и естественных науках, адаптируя их под свой материал. В большинстве случаев такая методологическая операция оказывается контрпродуктивной и ведет к любопытным с историко-культурной точки зрения, но заметно упрощающим или искажающим реальную картину научным подходам. Одним из ярких примеров отмеченной аберрации является «социальная физика» нового времени, рассматривающая общество как механизм, а составляющих его индивидов как атомы, находящиеся под воздействием различных сил, описываемых в логике классической механики. Взгляд на гуманитарное знание как на область с собственными мировоззренческими основаниями и собственной методологией, заметно отличающейся от методологии естественных наук, последовательно развиваемый с последней четверти XIX в., выглядит намного более продуктивным и адекватным стоящим перед гуманитарными науками задачам.

Сформулированное выше правило имеет, однако, ряд значимых исключений. В отдельных случаях мировоззренческие и методологические открытия, сделанные в науках о природе, оказываются важными и для наук о культуре, давая возможность увидеть проблемное поле этих наук под новым углом зрения, но без искажений и аберраций. Одним из таких фундаментальных результатов является смена мировоззренческой перспективы при переходе от классической механики к квантовой. Эту смену можно описать в следующих тезисах.

А) В классической механике физическая величина является свойством исследуемого объекта. Такие величины, как масса, координата, импульс относятся к объекту (или пространству-времени, которое тоже понимается как объект особого рода) и не зависят от процесса измерения.

Б) В классической механике любая физическая величина, в идеале, может быть измерена абсолютно точно, при этом результат не зависит от процесса измерения. Отдельно следует подчеркнуть, что любые физические величины могут быть измерены одновременно с любой точностью.

В) В квантовой механике представление о какой-либо физической величине предполагает в качестве обязательного условия описание эксперимента, позволяющего ее измерить. Значение физической величины является результатом взаимодействия прибора и объекта, оно характеризует не *свойство объекта*, а *процесс взаимодействия*.

Г) Причинное и пространственно-временное описание требуют исключаящих друг друга экспериментальных установок и дают дополнительные (несовместимые друг с другом) сведения о реальности (принцип дополнительности Бора). Этот факт находит свое выражение в соотношениях неопределенности Гейзенберга.

Д) О состоянии объекта вне процесса измерения ничего определенного сказать нельзя. Можно лишь говорить о *возможности* объекта прийти в то или иное состояние после взаимодействия с прибором. Количественной характеристикой этой возможности является понятие вероятности, являющейся в квантовой механике аналогом точного значения физической величины в классической физике [2, с. 51–128; 6, с. 365–369].

Значимость ключевого для квантовой физики мировоззренческого постулата о включении наблюдателя в процесс измерения и интерпретации процедуры измерения как взаимодействия между наблюдателем и объектом выходит далеко за рамки физики. Аналогичные установки оказываются крайне влиятельными как в науках о человеке, так и в социальных науках. Приведу лишь две иллюстрации.

Одним из базовых для современной когнитивной науки является экологический подход, впервые изложенный Джеймсом Дж. Гибсоном в 1950 г. и затем детализированный в его финальной монографии 1979 г. [10; 4]. Ключевая идея экологического подхода выражена в понятии *аффордансов* (affordances), т.е. возможностей, которые предоставляет окружающая среда живому существу при взаимодействии с ним. Так деревянная палка предоставляет принципиально разные возможности ползущему по ней муравью и использующей ее в качестве орудия обезьяне. Представление о самодостаточном мире объектов заменяется при таком подходе моделью множества миров, каждый из которых характеризуется не набором объективных свойств, а специфическим набором возможностей. Мир в этих рамках оказывается неотделимым от того, кто смотрит на него и взаимодействует с ним.

Похожую функцию выполняет введенная Максом Вебером категория *идеальный тип*, одна из центральных, пожалуй, для методологии современного социального и гуманитарного знания [3]. Вебер специально подчеркивает неполноту и субъективный характер этой категории, отражающей как свойства изучаемого объекта (процесса, события), так и профессиональные (культурные, личностные) интересы исследователя. И в этом случае в процессе исследования формируется некий симбиоз между наблюдателем и исследуемой им реальностью.

Категория потенциального текста, предложенная Владимиром Николаевичем Романовым, встраивается в обозначенный методологический ряд. Ключевая для нее мировоззренческая интуиция генетически связана с базовыми положениями квантовой теории. Однако, прежде чем переходить непосредственно к ее анализу, полезно обратиться к бинарной типологии текстов, разработанной в рамках московско-тартуской семиотической школы. Так, Юрий Михайлович Лотман в статье «Мозг – текст – культура – искусственный интеллект» выделяет два типа ситуаций: «ситуации, когда целью коммуникативного акта является передача константной информации» [7, с. 25] и «ситуации, когда целью коммуникационного акта является выработка новой информации» [7, с. 26]. В первом случае текст оказывается, по Лотману, пассивным носителем внешней по отношению к нему информации, и его задача состоит в том, чтобы передать эту информацию максимально полно и без искажений. Во втором случае текст «обладает семантической неоднородностью и, как следствие этого, способностью генерировать новые сообщения. Роль его отличается активностью: он всегда “знает больше”, чем исходное сообщение» [7, с. 27]. Отмечу, что в рамках структурализма в целом и московско-тартуской школы в частности эта способность генерировать новые сообщения связана с особенностями внутренней структуры самого текста (семантическая неоднородность) и не предполагает влияния социокультурного контекста на процесс генерирования. Указанная черта радикально отличает понятие текстов второго типа от категории *потенциальный текст*, несмотря на определенные структурные параллели. Романов определяет категорию *потенциальный текст* в контексте следующих рассуждений: «Скорее и ближе всего понятие культуры будет значимо для меня в силу своего прямого указания на наличие в обществе кон-

кретной по своему содержанию и структуре *понятийной системы*, внутри и благодаря которой становится возможным индивидуальное самоопределение человека – единственного, кто способен, в сущности, дать жизнь и ценностям, и нормам, и правилам, и текстам, и даже “механизмам трансляции текстов”.

В первом приближении эту систему можно описать как определенного рода тезаурус – как набор имеющихся в наличии понятий, определяющих содержательную специфику каждой конкретной культуры. *В более строгом и артикулированном виде, с учетом структурного и функционального моментов ее можно было бы представить в качестве непроявленного, потенциального текста, в котором все понятия благодаря присущим им семантическим связям изначально “ожидают” и “предполагают” друг друга с разной степенью вероятности.* Актуализация одного из них затрагивает в пределе всю систему отношений, обуславливая с разной интенсивностью возможность совершения тех или иных мыслительных ходов, а тем самым и внутреннюю логику развертывания повествования – выбор и сцепление тем, понятий, образов и т.п. Важно при этом подчеркнуть, что потенциальный текст как система более или менее устойчивых “ожиданий” *уже* содержит в себе все в принципе возможные, но никогда в полной мере не реализуемые высказывания культуры» [8, с. 46–47; курсив мой. – В. Г.]. Как видно, потенциальный текст не представляет собой самодостаточной системы. Для актуализации он нуждается в обращающемся к нему человеке. Актуальный текст возникает «на стыке» индивидуального сознания и возможностей, которые предоставляет этому сознанию культура в форме потенциального текста [ср.: 9, с. 72–78].

Категория потенциального текста обозначает, на мой взгляд, крайне важную для теории культуры методологическую перспективу, позволяя рассматривать культуру как динамическую систему, содержащую в себе потенциал для дальнейшего изменения и развития. Она вызывает, однако, много вопросов при ее использовании для работы с конкретным материалом. На практике исследователь всегда имеет дело с актуальными текстами. Как реконструировать потенциальный текст культуры по совокупности актуальных текстов? Как определить вероятность «ожидания» и «предположения», о которой говорит автор (особенно если учитывать, что актуализация одного из понятий захва-

224

тывает в пределе всю систему отношений)? Создается впечатление, что без дополнительных уточнений введенная категория оказывается крайне громоздкой и плохо операционализируемой. Ниже в статье обозначены две возможности ее конкретизации.

Одну из них наметил сам автор, говоривший в своих лекциях и личных беседах о семантическом ядре потенциального текста. Если реконструкция всего потенциального текста культуры невозможна из-за необозримого количества разнообразных семантических связей, которые нужно описать, то выявление набора категорий, ключевых для культурной идентификации и задающей поле проблем, над которыми размышляет культура на теоретическом уровне на всем протяжении своей истории, кажется более выполнимой задачей. Одна из таких попыток, относящаяся к русской культуре XVIII–XX вв., принята в [5, с. 21–30].

Другая возможность носит локальный характер и обращает нас к произвольному актуальному тексту, который, будучи самостоятельным высказыванием, может также быть рассмотрен как потенциальный текст для порождения других высказываний. Для более детального описания этой возможности полезно вспомнить о том, как постструктуралисты проводят демаркационную линию между произведением и текстом. Произведение представляет собой законченный продукт, допускающий материальное воплощение в виде книги, журнала, картины и т.д., предполагающий различные интерпретации, которые могут оцениваться по критерию большей или меньшей правильности, текст – поле для методологических операций, материал для создания читателем произведений особого типа, существующих «здесь и теперь», в момент чтения. Читатель выступает в данном случае как активная созидательная сила, и вопрос о правильности или неправильности интерпретации в заданных рамках оказывается просто некорректным [1].

Взгляд на произведение как на потенциальный текст сближает с постструктуралистским подходом активная роль читателя, который актуализирует возможности, содержащиеся в потенциальном тексте. Однако, в отличие от постструктурализма, такой взгляд не предполагает равноправие всех интерпретаций. Можно говорить о большей или меньшей вероятности актуализации тех или иных возможностей. Как видно, такая позиция близка постулатам квантовой теории, с той раз-

ницей, что при описании потенциального текста речь не идет о точных количественных предсказаниях; все оценки носят, скорее, качественный характер.

Остановимся теперь подробнее на структуре потенциального текста, порождаемого конкретным произведением. В ней есть два момента, которые имеет смысл обсудить в первую очередь.

А) Широта и разнообразие спектра возможных актуализаций, продуктивность произведения, его генеративный потенциал. Можно предположить, что такая продуктивность определяется как внутренними, так и внешними факторами. Внутренними факторами являются культурная значимость идей, к которым обращается произведение (чем больше культурная значимость, тем более широкий круг читателей оказывается вовлеченным в создаваемое произведением проблемное поле), а также его смысловая открытость, т.е. возможность различного толкования, дополнения, реинтерпретации отдельных идей, мотивов, сюжетных линий произведения. Чем более детализировано произведение, чем проще для понимания система заложенных в нем смыслов, чем меньше в нем линий смыслового напряжения, тем меньшим генеративным потенциалом оно обладает, тем более ограниченным является оно в качестве потенциального текста. Внешним фактором является статус произведения (и его автора, если он известен) в культуре. Этот фактор коррелирует с первым из внутренних факторов, но не является тождественным ему. Так, произведение может обращаться к культурно значимым темам, но не иметь заметного веса в культурной традиции.

Остановимся на внешнем факторе чуть подробнее. Можно сказать, что произведения с наибольшим генеративным потенциалом формируют значимую для культуры систему идей, оказываясь в основании культурной традиции или нескольких культурных традиций. В первую очередь это касается религиозных (в широком смысле этого слова) текстов. *Веды* в Индии, *Книга Перемен* и *Дао Дэ Цзин* в Китае, *Библия* в европейской культуре порождают вплоть до настоящего времени необъятный массив религиозных, философских, литературных произведений, предлагающих новые прочтения и интерпретации указанных книг целиком или отдельных их фрагментов, развивающих или оспаривающих отдельные идеи и положения. Приданный этим книгам сакральный статус привлекает к ним читателей, становящихся их явны-

ми или неявными интерпретаторами, формирующими посредством акта осмысления свою религиозную (культурную, социальную и др.) идентичность. Похожие процессы происходят и с литературными текстами, обладающими значительным генеративным потенциалом, такими как «Илиада» Гомера или «Гамлет» Шекспира.

Б) Второй момент связан с переструктурированием потенциального текста, с изменением вероятности, характеризующей те или иные возможности, другими словами, с процессом изменения потенциального текста во времени. Хочется подчеркнуть, что решающую роль в этих трансформациях играют не внутренние особенности самого текста, а социокультурные факторы. Изменение культурного контекста приводит к актуализации смысловых связей, находящихся до этого на глубокой периферии, и наоборот, к перемещению на периферию семантических линий, до этого доминировавших в потенциальном тексте. Яркой иллюстрацией этому является осмысление творчества Пушкина в целом и отдельных его произведений в русской, советской и постсоветской культуре. Так, в советскую эпоху доминировал образ Пушкина как демократа, друга декабристов, человека, индифферентного к религии и даже позволяющего себе насмешки над христианскими сюжетами. При этом в конце XIX – начале XX в. и в постсоветский период у целого ряда авторов Пушкин предстает как христианский мыслитель, а целый ряд его текстов («Памятник», например) получает весьма неожиданную христианскую интерпретацию. Появляется даже искушение утверждать, что способ интерпретации той или иной эпохой произведений Пушкина говорит не о Пушкине, а о доминантных установках самой эпохи, и Пушкин оказывается в данном случае зеркалом, в котором она видит собственное отражение. Вероятно, такое утверждение слишком радикально: при всей широте спектра интерпретаций они не безграничны, и тексты Пушкина налагают значительные ограничения на допустимые трактовки (если, конечно, не брать в расчет клинические случаи). Скорее, правильной будет квантово-механическая аналогия, уже неоднократно использованная в статье, – актуальный текст возникает на стыке возможностей для прочтения и интерпретации, которые автор предоставляет читателю, и собственных интересов, приоритетов, ценностных установок читателя. Важно, однако, еще раз подчеркнуть, что функция вероятности, соотно-

симая с конкретным произведением, меняется со временем, и причиной этого изменения является изменение социокультурного контекста.

Завершая проведенное обсуждение, хотелось бы еще раз подчеркнуть методологические перспективы, которые открываются для теории культуры благодаря использованию категории *потенциальный текст*.

1. Категория *потенциальный текст* дает возможность рассматривать культуру как динамичное, меняющееся со временем образование и прогнозировать (по крайней мере, качественно) возможные векторы ее развития.

2. Говоря о культуре как потенциальном тексте, можно выделить его смысловое ядро, задающее набор категорий, к которым носитель культуры обращается для осмысления своей культурной идентичности, и поле напряжения между ними. Описание такого смыслового ядра дает возможность увидеть базовые для культуры константы, определяющие ее уникальный образ.

3. Категорию *потенциальный текст* можно использовать не только для культуры в целом, но и для отдельного культурного артефакта, который, будучи самодостаточным произведением, выступает еще как смысловая среда для порождения других артефактов. Предложенный подход можно рассматривать как синтез в гегелевском смысле, снимающий односторонность классического и постструктуралистского подходов.

Список литературы

1. Барт Р. От произведения к тексту // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – С. 413–423.
2. Бор Н. Атомная физика и человеческое познание. – М.: Издательство иностранной литературы, 1961. – 151 с.
3. Вебер М. «Объективность» познания в области социальных наук и социальной политики // Культурология. XX век: антология. – М.: Юрист, 1995. – С. 557–603.
4. Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. – М.: Прогресс, 1988. – 464 с.
5. Глебкин В.В. Категории русской культуры XVIII–XX вв.: Скука. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. – 417 с. – (Серия «Humanitas»).
6. Джеммер М. Эволюция понятий квантовой механики. – М.: Наука, 1985. – 384 с.

7. *Лотман Ю.М.* Мозг – текст – культура – искусственный интеллект // *Лотман Ю.М.* Избранные статьи. – Таллин: Александра, 1992. – Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. – С. 25–33.
8. *Романов В.Н.* Историческое развитие культуры. Психолого-типологический аспект. – М.: Издатель Савин С.А., 2003. – 448 с.
9. *Романов В.Н.* Культурно-историческая антропология. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив: Университетская книга, 2014. – 362 с. – (Серия «Humanitas»).
10. *Gibson J.J.* The Ecological Approach to Visual Perception. – Boston: Houghton Mifflin, 1979. – 332 p.

References

1. *Bart R.* Ot proizvedeniya k tekstu // *Bart R.* Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika. – М.: Progress, 1989. – С. 413–423.
2. *Bor N.* Atomnaya fizika i chelovecheskoe poznanie. – М.: Izdatel'stvo inostrannoj literatury, 1961. – 151 s.
3. *Veber M.* «Ob'ektivnost'» poznaniya v oblasti social'nyh nauk i social'noj politiki // *Kul'turologiya. XX vek: antologiya.* – М.: Yurist, 1995. – С. 557–603.
4. *Gibson Dzh.* Ekologicheskij podhod k zritel'nomu vospriyatiyu. – М.: Progress, 1988. – 464 s.
5. *Glebkina V.V.* Kategorii russkoj kul'tury XVIII–XX vv. Skuka. – М.; СПб.: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2018. – 417 s. – (Серия «Humanitas»).
6. *Dzhemmer M.* Evolyuciya ponyatij kvantovoj mekhaniki. – М.: Nauka, 1985. – 384 s.
7. *Lotman Yu.M.* Mozg – tekst – kul'tura – iskusstvennyj intellekt // *Lotman Yu.M.* Izbrannye stat'i. – Tallin: Aleksandra. – Т. 1. Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury. – С. 25–33.
8. *Romanov V.N.* Istoricheskoe razvitie kul'tury. Psihologo-tipologicheskij aspekt. – М.: Izdatel' Savin S.A., 2003. – 448 s.
9. *Romanov V.N.* Kul'turno-istoricheskaya antropologiya. – М.; СПб.: Centr gumanitarnyh iniciativ; Universitetskaya kniga, 2014. – 362 s. – (Серия «Humanitas»).
10. *Gibson J.J.* The Ecological Approach to Visual Perception. – Boston: Houghton Mifflin, 1979. – 332 p.